

Лизавета Мягчило

САГА О ВЕЧНЫХ

Москва

**ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ «РУМПЕРИЯ.
ДЫХАНИЕ МАГИИ»:**

Елена Новак «Ночь Жатвы»
Лия Джей «Лучи другого солнца»
Ева Енисеева «Суженая лютого змея»
Юлия Арвер «Диспноэ»
Галина Ивина «Тень Серого дома»

**ОДИНОЧНЫЕ РОМАНЫ
ЛИЗАВЕТЫ МЯГЧИЛО**

«Проклятие рода Прутяну»
«Сага о вечных»

Продолжение следует...

Лизавета Мягчило

САГА О ВЕЧНЫХ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М99

Мягчило, Лизавета.

М99 Сага о вечных / Лизавета Мягчило. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Румперия. Дыхание магии).

ISBN 978-5-04-238626-8

Юная Вигдис угасает, пораженная смертельной болезнью. Ее жизнь утекает сквозь пальцы, пока золотые яблоки Идунн чернеют на ветвях в мире богов.

Но порой смерть — не самое страшное. Конунг Торстейн, услышав пророчество о деве, способной подарить бессмертие, открыл на нее охоту. Единственный щит между Вигдис и жадностью конунга — Ульв. Воин-волк, которому прочат долю нового провидца. Его любовь опасна, а защита пахнет сталью, кровью и волчьим мехом.

Чтобы обмануть судьбу, им придется пройти через обсидиановые залы dwarves и радужный мост, пылающий под ногами. Когда ветра Рагнарека дуют в спину, а охотник наступает на пятки, остается только одно: стать чудовищем страшнее тех, которые идут по твоему следу.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лизавета Мягчило, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-238626-8

Глава 1. Гниющие плоды

Золотое яблоко блестит сочным боком, падает, падает настолько долго, что невольно сжимается сердце. А затем оно раскалывается, брызжет медовым соком, и аромат его пьянит. Не сводит с ума сладостью. Нет. Вигдис повело в сторону из-за другого: вместе с окутывающим ярким запахом обычных яблок-дичек, от которых сводило скулы, на девушку напало такое сильное предчувствие надвигающейся беды, что мир вокруг поплыл, она задохнулась. Вцепилась подрагивающими пальцами в кору старой яблони, раскинувшей над нею ветви, и, пытаясь втянуть воздух в скверные легкие, опустила голову. В мягкую стелющуюся траву одно за другим падали плоды. Они били по плечам и рукам, скатывались к ногам, замирали золотыми горами. И она закричала, позвала единственного, кто мог защитить ее от надвигающейся беды:

— Ульв!

Он не ответил.

Не ответил впервые за все годы их дружбы. Не защитил, не заслонил высокой недвижимой фигурой с насмешливо горящими зеленью глазами. Но ей показалось, лишь на мгновение померещилось, что она слышит его слабый шепот среди листьев и трав. Совсем рядом, почти у самого бока:

— Вигдис...

Она невольно вздрогнула и обошла широкий ствол, дальше ноги вести ее отказались.

Ульв лежал среди золота яблок. Такой же прекрасный, от одного его вида захватывало дух: медные волосы убраны в косы, на тонких, не по-мужски нежных и длинных запястьях надеты плотные кожаные наручи, она сама любила их шнуровать перед его охотой. Мнимая легкость и тонкокость... Вигдис знала, что Ульв дрался страшнее зверья. Прозванный воином-ульфхеднаром, он до дрожи напоминал волка, и каждый раз, когда их отряд возвращался с битвы, Вигдис с комом в горле ждала новостей: обратился, стал чудовищем и покинул ее, сбежал в леса. На этот раз наверняка... А он всегда возвращался. Ульв пах железом и дымом, он жег костры и смотрел сквозь пламя пустым изумрудным взглядом. Она знала, в такие моменты он не был глух или слеп, он видел куда больше других людей.

Его ни разу серьезно не ранили. Так отчего такой знакомой казалась нынешняя картина? Верно. Оттого, что в голове Вигдис видела ее сотню раз. Видела, отрубая курице дрожащей рукой голову и возлагая ее на каменный домашний алтарь. Каждый раз мать недовольно поджимала

губы: «Ты всю живность переведешь, прекращай, мы умрем с голода еще до Июля».

Каждый раз она боялась... И сейчас ее ужас обрел плоть.

Ребра Ульва часто поднимались и резко опадали, дыхание сбилось, но он пытался улыбаться. Из его груди торчал топор, с каждым вдохом и выдохом ручка шевелилась, а новые толчки сердца выбивали из-под лезвия тонкими струями кровь. Глупец, он умирал и улыбался.

— Я буду пировать с праотцами нашими в Вальхалле. — Голос Ульва звучал так расслабленно, так спокойно, словно это вовсе не он погибал. Не за его душой со звоном кольчуг на белоснежных платях спускались валькирии.

— Хельхейм потеплеет, если я тебя отпущу! — Вигдис до боли стиснула зубы, падая на колени рядом с ним. Руки легли к острию топора, словно она смогла бы остановить кровь, затянуть рану... Не могла. Сосредоточенный взгляд метался по пышно цветущему саду. Ей нужно было найти хоть что-то.

Она его не отпустит, да простят боги надменную самоуверенность. Вигдис вытянет его из любого мира за глотку. Сейчас его время не пришло!

И пока она хаотично размышляла, сумеет ли разодрать юбку платья и достаточно туго перемотать грудины или лучше развести пламя и прижечь рану этим же топором, почти к ее носу сверху протянулась рука. Затуманенный взгляд застыл на тонких девичьих пальцах, сжимающих яблоко.

Мизинец и безымянный пересекал знакомый толстый шрам, оставленный баловством с отцовским мечом. На запястье другой — аккуратный, тонкий и ровный — признание любви к другу. Под полумесяцами-ногтями кусочки запекшейся крови — после охоты пришлось потрошить тушку зайца, а затем позвала мать, и дева слишком небрежно обтерла руки.

Вскидывая голову, Вигдис с изумлением уставилась на... себя? У *этой* Вигдис не было шрама вдоль скулы, оттого что она упала с высокого ясеня и едва не разможилась об острые камни склона. У *этой* Вигдис лицо не было изуродовано страхом, в глазах не горела безумная решительность. *Она* была спокойной и уверенной, от нее оглушающе сильно разило мощью... Такая Вигдис была бы достойной женой, матерью, воительницей.

И та, другая, правильная, приоткрыла губы... впервые собственный голос показался нежным, мелодичным. *Та* девушка не частила, ведомая наплывом эмоций и чувств.

— Наш Асгард сторит. — Позволяя выхватить из пальцев яблоко и поднести к губам пепельно-серого Ульва, дева сложила руки на животе и протяжно, устало выдохнула, вглядываясь в полуголые ветви с гниющими плодами. Почти все они осыпались вместе с листвой, золота осталось на вечном древе совсем немного. — Чудовище пройдет за врата, боги познают старость, люди вкусят величие. И мы падём. Сын своего отца разрушит этот мир, волки поглотят луну и солнце. Побратимы отрекутся от сказанных слов. Мы падём, Вигдис!

Ее тряхнуло, ударило головой о шершавую кору ствола, и девушка нахмурилась. Небо над головой затянули черные тучи, из них посыпали плотные хлопья густого снега, осели на волосах. Невидимая сила снова ее встряхнула, вновь приложила затылком о дерево. Среди черных облаков, затянувших солнце, она увидела огромный силуэт поднимающегося на лапы Фенрира. И Ульв распахнул золотые глаза.

— Вигдис! — Мать снова дернула ее за плечо, уже рассерженно, торопливо. Голова девушки нелепо дернулась и ударилась о деревянную стену дома. Так вот оно что — задремала. До чего же скверным был ее сон. Садясь на лавке, Вигдис тайком зевнула в ладонь, тут же сгорбилась, тяжело взваливая на колени задний плавник и большую часть тела нерпы. Он уныло шлепнул по платью, перепачкав ее кровью. Поблекшие глаза смотрели с невыразимым укором. Дева редко охотилась сама — почти смирилась с тем, что ее рука не может поднять топора, от натягивания тетивы сводит болезненным спазмом дыхание. А здесь удача... Дряхлый зверек грел свое тело на камнях под лучами летнего солнца, он даже не шелохнулся, когда немигающая Виг-

дис крадучись побрела в его сторону с саксом¹. Теперь она утешала себя тем, что, подслеповатый и немощный, он и так не прожил бы долго — она облегчила тягости увядания. А жесткое мясо... Стоит засолить и такое — в холодные зимы каждый кусок был благословением.

— Долго я спала? — Голос после сна оказался охрипшим, и Вигдис неловко прочистила горло, тайком поглядывая на мать. Та уже уселась обратно к верстаку, чтобы превращать овечью шерсть в прочную серую нить. Время от времени правая рука Ингрид застывала, а затем поспешно ложилась на круглый громадный живот, поглаживая. Будущий брат Вигдис оказался еще тем бойцом — в особо рьяные его шевеления можно было увидеть выпирающую через кожу ножку или шар-головку. В том, что это мальчик, все семейство было твердо убеждено. Не могла девочка еще в утробе быть таким славным воином. Всю беременность, с того момента как Ингрид почувяла первое шевеление, ребенок норовил отбить ей все чрево и другие внутренности — мать прекратила выгонять на поля овец, она не могла больше работать с землею, зато хорошела на глазах. Смягчились черты лица, появился блеск в глазах, а копна волос обратилась жидким золотом. Глядя на нее, Вигдис забывала дышать: вот бы и ей материнской нежности в черты, ну хоть немного...

¹ Аналог кинжала, длинный нож, используемый викингами в охоте, самозащите и работе с мясом.

— Я не будила тебя до тех пор, пока ты не начала кричать о том, что надвигается Рагнарек. — Вздрогнув, Ингрид снова погладила живот и резко махнула рукой, словно пытаясь отогнать от себя скверные мысли. — Твой отец уже успел отправиться на тинг¹, из-за своего ранения он находится в дурном расположении духа. Мой капризный бык... — В мягком, журчащем, словно мелкий ручей, голосе матери прозвучала знакомая нежность, и Вигдис широко улыбнулась, резким рывком рук стягивая с нерпы кожу. Совсем скоро она вычистит ее от остатков жира и мяса, а затем растянет и просушит на солнце — плащ матери давно истончился и подрыхлел, а она все так же продолжала кутаться в любимую вещь под струями холодного дождя. Нередко после этого ей приходилось просушиваться у домашнего очага — где-то в коже мышцы прогрызли мелкие, едва заметные человеческому глазу дыры. Вигдис сошьет такой же... А затем тайком спалит старый.

Подхватывая шкуру, дева поднялась, бросила на мать осторожный взгляд и крадучись двинулась к двери. Спина работающей Ингрид напряглась, выровнялась, а дочь ее невольно сжалась, едва сдерживая порыв ринуться к заветной полосе света мелким крысиным бегом. Она поняла все, услышала. Не позволив дочери сказать ни слова, неловко поднялась, выпустила из длинных пальцев тонкую серую нить.

¹ Собрание всех свободных мужчин, принимающее наиболее значимые решения в скандинавском обществе.

— Ты не пойдешь на тинг, довольно. Я не хочу, чтобы мое единственное дитя утопили в наказание за дерзость.

— Топят ведъм. — Опустив бегающий взгляд, Вигдис сильнее сжала в пальцах шкуру нерпы, попятилась. Как же объяснить, что у нее нет другого выхода? Тревога глодала ее кости, выкручивала суставы. По ночам она видела страшное... Грядет их конец.

Заострившиеся от злости черты матери на миг смягчились, разгладилась морщинка на лбу. Ингрид аккуратно обошла ткацкий станок, домашний очаг с едва тлеющими в нем ворчащими и вспыхивающими углями и положила руку на щеку дочери, заставляя ту поднять голову.

— С ним будет все хорошо, рядом опытные викинги, а я в жизни не знала воина более ловкого и неуловимого, чем Ульв из Сваррвика. У него получится, верь в него. — На вторую щеку легла другая рука, Ингрид склонилась ниже, уткнулась лбом в ее холодный лоб, глядя не в глаза, нет, глубоко в душу.

И Вигдис почти поверила, она почувствовала, как раздирающая грудину тревога разжала свои зубы, с хрустом вытянула клыки. Всего на минуту. Позволяя облегченно выдохнуть. Подаваясь навстречу матери, она боднула ту, заставила с улыбкой отодвигаться. Руки Ингрид соскользнули на предплечья, растерли их, а затем она сделала шаг назад, устраивая ладони на животе. Это стало ее привычкой — будто новая жизнь внутри тянула на себя все внимание, дите в утробе требовало ласки и любви, еще не родившись. Мать кивнула собственным мыслям.

— Не иди туда. Тинг — дело мужчин. Они знают не больше твоего, ты не услышишь желаемого, Вигдис.

Мать врала. Нередко мужчины знали о приближении драккаров задолго до того, как полошущие белье в ручье, готовящие в котлах мясо женщины слышали крики, предупреждающие о возвращении к берегам кораблей. Многие ярлы¹ предпочитали поддерживать хрупкий мир, они передавали весть по цепочке, пока та не добиралась до краев славных воинов. Наверняка ярл Бедвар уже знает, где находятся его люди.

Вигдис готова была поклясться всеми богами, что мать соврала. Это было ясно, словно солнечный день. С тяжестью на сердце соврала и она.

— Как скажешь, я не пойду. — Кивнув, дочь Хролфра коснулась дверной ручки свободной от шкуры рукой, толкнула от себя. — Я возьму скребок для шкуры у Трюд, хорошо? Ее отец сделал несколько из рогов оленя. За оказанную услугу она обещала мне один.

Лицо матери озарила ребяческая улыбка, Ингрид рассмеялась, качая головой.

— Ты снова козой скакала около Ролло, расписывая все достоинства подруги?

Лукаво прищурившись в ответ, Вигдис выскользнула за едва слышно скрипнувшую дверь. Старательно растянула шкуру на раме и отнесла в тень — кусочков жира на ней оказалось совсем немного, мяса и того меньше. За пару часов, пока ее не будет, ничего не успеет подгнить, а растянутая кожа не

¹ Высший титул знати в средневековой Скандинавии (VIII–XIII века), обозначавший племенного вождя, а позже — крупного военачальника, наместника конунга (короля) или правителя области, часто с наследственными правами.

сморщится. Убедившись, что все складывается как нельзя лучше, дева ополоснула руки и лицо в бочке, а затем медленно зашагала в сторону дома Трюд.

Вигдис знала собственную мать слишком хорошо, не надо было оборачиваться, чтобы понять, что та стояла и наблюдала за ней с порога. Шаловливый летний ветер играл с золотыми прядями, в маленьких косах подрагивали небольшие железные колечки — подарок отца, сменявшего их у кузнеца на добротные выделанные шкурки выдр. И во взгляде ее в тот момент не было привычного мягкого света — лишь цепкость и внимательность. Иногда Вигдис забывала, что мать ее — воительница. И там, где девушка чувствовала нежную ласкающую ладонь, другие видели окровавленные пальцы, сжимающие рукоять боевого топора.

Проницательную Ингрид было сложно провести. Вот и сейчас та следила за дочерью до последнего, пока взгорки и чужие дома не скрыли ту от пристального взгляда.

Селение Сваррвик было невелико — пристроившееся на побережье, оно обдувалось северными ветрами, пропахло солью, привыкло к мягкому шелесту волн. Многие люди сетовали, желали уйти в другие места, ближе к лесам, богатым дичью, к рекам и ручьям, полным чистой питьевой воды. А дочери Хролфра нравилось и здесь, казалось, на краю самой земли. Перед всем миром.

Воровато оглянувшись, Вигдис пригнулась и перебежала за очередной дом с широким загоном для коз. Увидевший незваную гостью белый козел громогласно заблеял, ударил копытом в мягкую влажную землю

